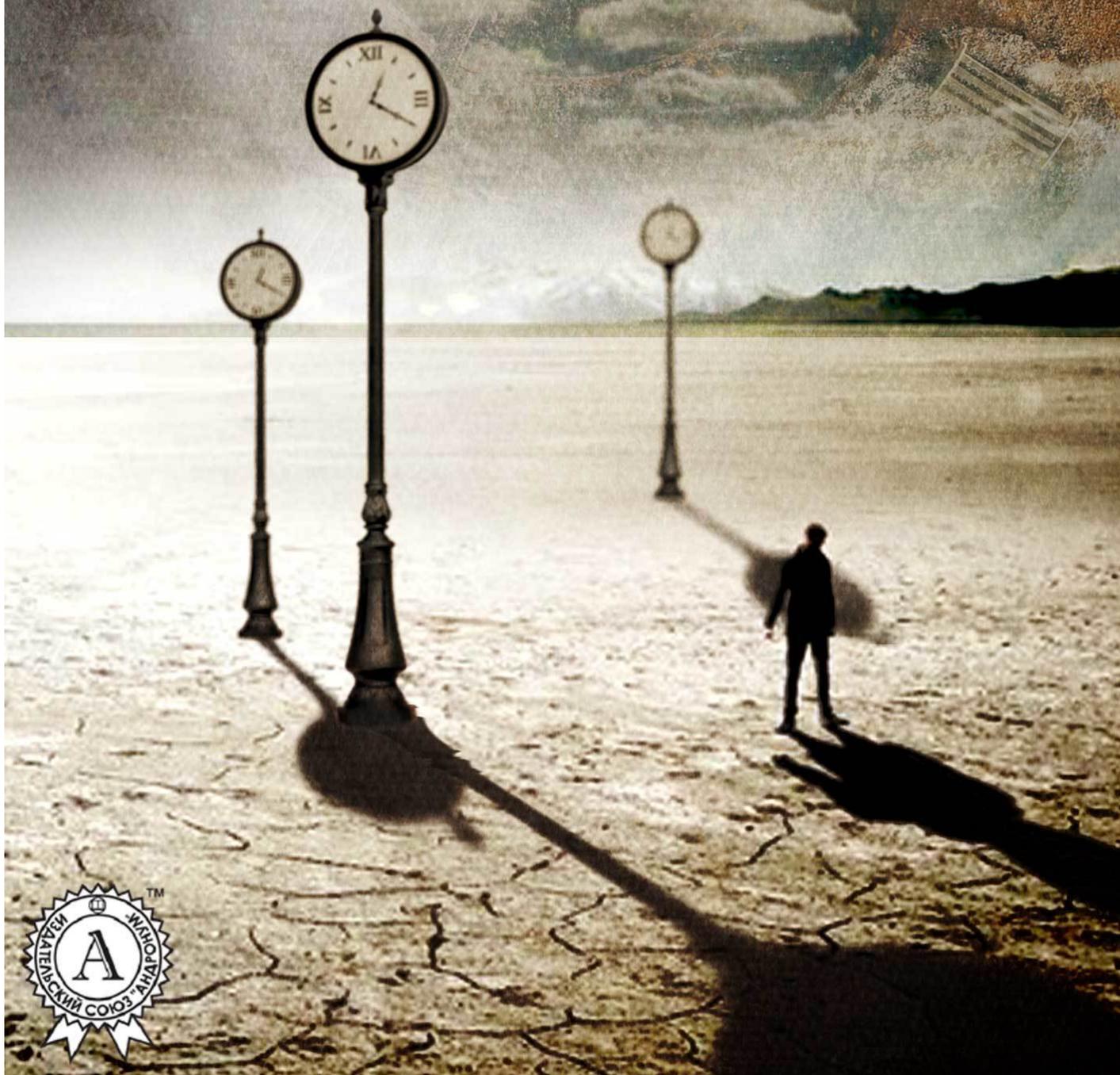

ДЭВИД ДЭНИШ

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

Дэвид Дэниш

**Прекрасный день,
чтобы умереть**

«ИП Стрельбицкий»

Дэниш Д.

Прекрасный день, чтобы умереть / Д. Дэниш — «ИП Стрельбицкий»,

"Сегодня среда, и сегодня я умер", - с таких слов начинается великолепный роман "Прекрасный день, чтобы умереть", написанный с невероятной искренностью - такой, какую вы встретите только среди близких друзей. "Прекрасный день, чтобы умереть" рассказывает о тщетных попытках молодого человека побороть абсурдность всеобщей смерти, придать смерти какое-то значение - как если бы это вообще было возможно. Это бессмысленная борьба между надеждой и страхом, Богом и землей, жизнью и смертью.

Содержание

Предисловие	5
1	6
2	10
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дэвид Дэниш

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

Посвящается Дону, Кайлу и Тай

Предисловие

Это художественное произведение, но поскольку любой вымысел определяется его целью, вы можете считать все события реальными. Эта история основана на моем собственном опыте, как я спустился в самое сердце тьмы, в темноту, которая скрывает абсолютно все. Я описывал события так, как они происходили, не так, как мне бы хотелось. Ничего не было скрыто, изменено. Ничего не было опущено, преувеличено. Не было исправлений, переосмыслений, пересмотров. Я понимаю, что я открылся сильнее, чем предполагал. Плюс в том, что никто не слышит меня. Если ты исповедуешься, ты говоришь с пустотой. Без посторонних. Я знаю это, потому что это знает Бабер.

В отличие от большинства художественных произведений, все места и события, о которых рассказано в этом романе, совершенно реальны, как реальны и вы, когда собираетесь читать его. Это не вымысел, в котором все действия происходят между головой и руками. Однако, имена персонажей изменены, но не потому что они могут обратиться с претензией, а потому что большинства из них нет в живых.

1

Сегодня среда, и сегодня я умер. Мое сердце перестало биться. Я больше не дышу, но кажется, что мое тело все еще функционирует. Мой мозг продолжает работать, я могу слышать и видеть. Я едва могу разобрать, где я – лежу на спине, в груди жуткая боль. Должно быть, у меня случился сердечный приступ, или меня ударили ножом. Голова раскалывается, и я чувствую что-то горячее у затылка. Вокруг невероятный грохот, он оглушает, мне кажется, я слышу безумные крики вокруг. Что-то горит. В воздухе висит черный дым. Кажется, все вокруг охвачено пламенем. Давно забытые воспоминания проносятся перед глазами. Я смотрю на все, словно я сижу в театре и в то же время сам играю на сцене.

Морварид – один из лучших ресторанов Тегерана. За старым фасадом, которому не меньше сотни лет, скрывается современный интерьер. Пол вымощен лазуритом и частично покрыт кашанскими коврами. В заведении очень высокий потолок с хрустальными люстрами. Около дюжины широких колонн поддерживают крышу, украшенную яркими резными миниатюрами. Сражения с греками, арабами, турецкими захватчиками, разрушение Персеполиса Александром, завоевание Вавилона Царем Киrom и другие славные моменты персидской истории изображены там.

Я пришел в Морварид не за тем, чтобы поесть – это было мне не по карману. Я пришел, чтобы найти себе женщину на ночь. Морварид – это не обычный ресторан. Это место, где женщины и мужчины могут встречаться без надзора исламистов. Секс вне брака незаконен, запрещен Аятоллами и наказуем. Телесная близость в Исламе – это что-то темное, безобразное, злое и постыдное. Это то, за что нужно раскаиваться и что нужно прятать за дверью спальни. Одиноким мужчинам и женщинам запрещено встречаться. У них нет свободы в выборе партнеров. Практически все браки заключаются по настоянию родителей, родственников или властей. *Комитет*, мобильный отряд Корпуса стражей исламской революции, занимается слежкой за неженатыми парами и их поимкой. В этой стране случайные связи опасны, как альпинизм или глубоководный дайвинг. Наказание за незаконный секс – до шести лет тюрьмы, за супружескую измену – забивание камнями насмерть. И все же это не означает, что секса здесь нет. Он повсюду, и за ним наблюдают с тревогой и трепетом.

Жить в исламском обществе – все равно, что заниматься сексом с женщиной, которая тебе отвратительна. Если ты все-таки соглашаешься, ты закрываешь глаза и думаешь о жене соседа или какой-нибудь другой девушке, которая тебе по-настоящему нравится. Ты пытаешься забыть, кто ты, притворяешься, что ты кто-то еще, где-то еще. Физически ты здесь, но твой разум убегает в вымышленный мир, который ты сам себе сотворил. Так мы живем в Иране.

Лживая, испорченная иранская культура порождает расстройства личности. Люди существуют в одном теле, но во множестве миров. У себя дома никто не носит масок, но как только он выходит на улицу, каждый вынужден приспособливаться. Конечно же, это не мешает тому, как мы живем изо дня в день, мы знаем, что мы делаем. Но это все – тайна, а за ней – другая, и все они вплетаются в одну огромную паутину лжи. У истины нет конкретного значения, и она может меняться так же быстро, как и погода. Со стороны все кажется сложным, но если бы вы выросли в этой стране, вы бы даже не задумывались над тем, что вы делаете или говорите. Вы бы просто жили, словно на автопилоте.

Когда мне принесли пиво, я попробовал его и поморщился. Мне совершенно не нравилось персидское безалкогольное. Но это был пароль, и мне ничего не оставалось, кроме как пить его. Только так шлюхи могут увидеть во мне потенциального клиента. Все, что мне

нужно было делать – это пить пиво и ждать. Все шло очень медленно, но скучно не было. Опасность пьянила меня.

Сделав еще пару глотков, я повернулся к женщине, сидевшей за столиком у окна. Я был просто очарован ее карими глазами, полными губами и гладкими черными волосами. То, что такая прекрасная женщина сидела одна, казалось подозрительным, и все же я не мог оторвать от нее взгляда. В ответ она слегка повела бровью. Время шло. Она смотрела на меня, а я на нее. С того момента, как наши взгляды встретились, я не мог спокойно сидеть на месте, мне казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Моя цель – показать, кто я. Остальное разрешится само. Мне нужно было продемонстрировать ей, что мне нечего прятать, что я абсолютно уверен в себе. Я почувствовал, как между нами установился немой контакт, как между людьми из разных стран, которые не знают языка, но каким-то образом умудряются общаться.

Я терпеливо ждал знака, какого-нибудь сигнала. Если она опустит глаза или посмотрит в сторону, это будет значить, что она оценила мою смелость. Если она отвернется, это будет означать, что она увидела, какой я на самом деле. Самым нежелательным ответом будет, если она продолжит смотреть на меня, словно ничего не замечая. Она продолжала смотреть на меня.

Каждый раз, когда я снова оглядывал ее, я встречался всё с тем же неподвижным взглядом. Я поднял бокал с пивом и механически осушил его до половины, чтобы показать пароль. Все это было очень волнующе, и в то же время в этом было что-то неправильное. Внезапно в моей душе воцарилась странная тишина. Казалось, что все в ресторане было значимым, но я не мог понять, что за этим скрывалось. Она была старше меня, наверное, лет на двадцать. У нее могло быть четверо детей. Я хотел ее.

Ко мне подошел официант и спросил:

– Сэр, вы готовы сделать заказ?

Я поднял глаза, и один взгляд на него буквально обездвижил меня.

– Позвольте мне помочь вам, сэр, – сказал он, поглаживая подбородок кончиками пальцев, словно собираясь пошутить. – Наше меню состоит из трех списков. Вверху каждого из них вы можете видеть основные блюда. Десерты не включены. Мороженое подается с чашкой кофе или чая, и...

Я перебил его:

– Пива, будьте добры.

– Пива?

– Да. Это незаконно?

– Нет, нет, что вы! – ответил он и суетливо убежал прочь.

Я взглянул на часы. Десять минут девятого вечера. Я зажег сигарету и жадно затянулся. На меня накатывала скука. Я обдумывал, планировал все в течение нескольких недель, но именно теперь, когда я был там, на месте, меня вдруг начали одолевать сомнения. Я подумал, что неплохо было бы уйти, но я знал, что если я и уйду, то завтра все равно не удержусь, и снова вернусь сюда же.

Немолодая женщина подошла к моему столу. Она была низкой, почти карликом, а на ее левом плече возвышался горб. Ее лицо было изрезано глубокими морщинами, на подбородке виднелась черная родинка – я насчитал пять торчащих из нее волос.

– Привет, – сказала она. – Могу я присесть?

– Чего вам нужно?

– Это я должна задать этот вопрос, – ответила она и опустилась на стул рядом со мной. – Я вижу, вам скучно, быть может, я могу составить вам компанию.

– Мне не скучно, и компания ваша мне не интересна. А теперь проваливайтесь!

– Заткнись, – процедила она сквозь зубы.

На лбу ее проступила сетка морщин, а брови поднялись, словно усики насекомого.

– Ты даже не представляешь, кто я, правда? Неудивительно, что ты выглядишь так тупо. Я здесь главная. Ты в моем бассейне, а я большая рыба, это понятно? Если ты заткнешься и послушаешь, то поймешь, почему я разговариваю с идиотом вроде тебя.

Ее тело не было похоже на настоящее, скорее, оно выглядело как уродливая кукла, с бледной маской на месте лица, как карикатура – не как живой человек. Но ее неожиданное появление и слова заставили меня подчиниться.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– На что это похоже?

– Что ты ищешь?

– Так заметно, что я что-то ишу?

– Какую женщину тебе нужно?

– Что?

– Ты хоть знаешь, какой ты смешной? – сказала она. – Я слежу за тобой с самого твоего появления. Совершенно очевидно, что тебе надо.

– Тогда зачем вы спрашиваете?

– Хорошо, молодой человек. Я спрошу еще раз, и потом уйду. Что тебе здесь нужно?

Было очевидно, что ей всё известно, так что я не видел смысла притворяться и дальше.

Я огляделся, наклонился вперед и прошептал:

– Мне нужна женщина.

– Какая? – спросила она, и, заметив отсутствующее выражение моего лица, добавила – Молодая, старая, худая, толстая, высокая, низкая, цветная, арабская, турецкая, русская. Уточни.

– Просто женщина. Любая.

– Я вижу, это очень срочно, – сказала она и захохотала, широко раскрыв беззубую пасть.

Потом вытерла губы потрепанным платком и продолжила, уже серьезно.

– Деньги есть?

– Да.

– Хорошо, – сказала она, посмотрев куда-то в сторону. – Жди здесь. С тобой свяжутся.

Она встала и подошла к барной стойке, заговорила с каким-то бородачом. Они перекинулись парой слов, потом она надела шляпу и направилась к выходу. Бородач открыл дверь и выпустил ее, не говоря ни слова.

За барной стойкой виднелась небольшая деревянная служебная дверь. Она тихонько поворачивалась всякий раз, когда кто-то из персонала входил или выходил. Я не мог отвернуться от той двери, я продолжал смотреть, несколько человек появились позади барной стойки. Бородач кивнул официантам, они тоже кивнули в ответ. Я терпеливо ждал, когда со мной свяжутся, положив локти на стол. Официант, который принес мне меню, снова подошел к моему столику. На этот раз он положил передо мной записку, развернулся и молча ушел.

Одновременно удивленный и взбешенный, я развернул листок и начал читать.

«Это Революционная Полиция. Вы арестованы. Встаньте с места и спокойно идите к двери».

Я перечитал записку несколько раз. Сперва я подумал, что это кто-то решил надо мной подшутить. И только теперь, когда я наконец осмотрелся, я заметил, что за соседним столиком все это время сидели двое мужчин в серых куртках. Я не понимал, как я мог их раньше не заметить. Они ничего не ели и не пили, просто сидели и смотрели на меня.

Я быстро направился к двери, еле держась на ногах. Я не прошел и трех шагов, как меня схватили за плечо и ударили кулаком в лицо, едва я попытался обернуться и посмотреть, кто

это был. Ноги не выдержали, я упал, мне заломили руки. Тяжёлый ботинок опустился мне на шею, прижимая меня к полу. На запястьях защелкнулись наручники, меня схватили за плечи и снова поставили на ноги. Разговоры в ресторане затихли, почти все посетители стояли и смотрели на происходящее. Меня вытолкали из дверей и запихнули на заднее сиденье уже поджидавшего белого грузовика.

2

Рамат – это небольшой пост революционной гвардии в Тегеране. Десять лет назад в здании находился музей. После исламской революции его экспроприировали и превратили в тюрьму, как и многие другие учреждения.

В приемной гвардейцы сняли с меня наручники. Они сфотографировали меня, взяли отпечатки пальцев, записали мой адрес и номер телефона. Мы вернулись в главный зал, и гвардеец провел меня сквозь толпу. Нас окружали вооружённые автоматами революционеры, следившие за порядком. Мы прошли через весь зал, потом меня повели вниз через какую-то квадратную каморку, потом еще ниже, по узкой лестнице, прямо в подвал. Не было слышно ни звука, кроме отдаленного эха наших шагов. Наконец мы оказались перед большим помещением, соединявшимся с несколькими коридорами. Гвардеец остановился перед запертой дверью и постучал, отбивая какой-то ритм. На уровне лица отворилась небольшая задвижка, два маленьких внимательных глаза мелькнули за ней, привратник осмотрел разрешение и подтвердил его. Ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась.

«Салам Алейкум», – приветствовали друг друга гвардейцы, пока меня вели дальше по коридору.

Замок позади меня тут же заперли. Еще три шага, открылась следующая дверь, и мы очутились в длинном коридоре с небольшими камерами вдоль стен. Меня грубо втолкнули в одну из них, и я услышал щелчок задвижки за спиной. Потом в камеру донесся удаляющийся звук шагов, петли скрипнули, а затем воцарилась тишина, в которой я вдруг ощутил, как болезненно пульсируют раны на скулах.

Я огляделся и заметил, что кто-то смотрит на меня с другой стороны коридора. Черты лица были совершенно неразличимы при таком тусклом освещении, я не мог разобрать даже цвет кожи, единственное, что я мог понять, – за решеткой стоял человек, и он держал руки в карманах. Его фигура была скрыта тенью, кроме глаз, ярко блестевших в тусклом свете тюрьмы. Эти глаза неотрывно смотрели на меня.

– На что уставился? – спросил я, чтобы удостовериться, что это был человек, а не призрак.

– Ты приоделся, они тебя на празднике поймали? – Он переминался с ноги на ногу. – Мне было одиноко. Меня оставили наедине с моими мыслями, а их в моей голове тысячи, и одна страшнее другой. Я рад, что ты пришел.

Мои глаза медленно привыкли к темноте, и я наконец смог рассмотреть его получше. Он выглядел измотанным. Его взгляд был усталым и неподвижным. Он был здесь уже давно, один, лежа во тьме, борясь с кошмарами, наводнившими разум.

– Что с тобой случилось, – спросил он.

– Сыр был в мышеловке, а кошки ждали рядом.

– Я знаю, знаю. Эти ублюдки всегда набрасываются на тебя, словно стая волков. Готов поспорить, все произошло у всех на виду, – он выдержал паузу, а потом добавил еще, – Да, это их метод. Они всегда работают напоказ. Все для того, чтобы произвести впечатление и посеять ужас. Это работает.

– Что ты сделал? – спросил я.

– Ничего особенного. Просто делал свои дела, когда они меня схватили.

– Какие дела?

– Я продавал птиц на улице, но мне сказали, что это теперь незаконно. В этой гребаной стране все незаконно.

– Но я невиновен, – проговорил я очень тихо. – Я ничего не сделал.

– В этой стране нет невиновных, – отрезал он.

- Что с нами будет?
- Я не знаю, да мне и наплевать.
- Как тебя звать? – спросил я, глядя на него.
- Он прислонился к стене, его взгляд стал более отвлеченным.
- Рамин. – ответил он, – А тебя?
- Я Бабер.

Через час двое гвардейцев привели нас с Рамином в зал суда, и с нами был еще один человек, которого я раньше не видел. Дверь помещения постоянно открывалась и закрывалась, люди входили и выходили. Народ прибывал, и судебные чиновники занимали свои места за столами.

«Всем встать!» – прокричал один из гвардейцев.

Когда он убедился, что вслед за его приказом люди поднялись со своих мест, он торжественно и громко произнес имя судьи:

«Его Святейшество Аятолла Сид Факродин Ибн-аль-Камалодин Шейх Нассредин Хаджи Мир Закер Джилани».

Аятолла вошел в зал суда в сопровождении трех вооруженных людей. Он медленно проследовал к своей трибуне через все помещение. На голове его красовался черный тюрбан, а на плечах лежала белая накидка, открытая спереди. Цоканье каблуков его туфель эхом раздавалось по всему залу, пока он шел, и собравшиеся в зале кланялись ему. Он прошествовал к своему месту, заложив руки за спину, кивая головой в ответ на множество обращенных к нему приветствий, потом опустился за свой стол, достал платок из кармана, высморкался, вытер бороду и брови. Наконец, он жестом разрешил собравшимся сесть.

Я слышал о нем. Рассказывали, что он суров, жесток и дик, как и все фанатики. Он заработал репутацию бескомпромиссного судьи, который не признавал никаких исключений. Аятолла был знатоком теологии Ислама, законодателем, политиком, оратором и писателем. Он написал несколько книг о том, какую важную роль в обществе занимает религия. В одной из них, «Сила религии», он утверждал, что люди не уважают ничего, кроме силы, власти и авторитета. Он совершенно искренне верил, что был представителем Бога на земле, и что его долг – вершить правосудие над людьми.

В свете лампы казалось, что лицо Аятоллы полностью провалилось в темноту под тюрбаном и густыми бровями. Он подождал, пока часы пробили двадцать два раза, и дал знак начинать суд. Обвинитель, революционный офицер в форме цвета хаки и армейских ботинках, подошел к своему столу. Он положил кипу бумаг на стол, выпил воды и громко произнес:

– С разрешения Его Святейшества, я вызываю на суд Джабера Носрата.

Человек, сидевший возле нас с Рамином, встал и подошел к свидетельской стойке. Обвинитель достал листок из стопки бумаг, взглянул на Аятоллу, и объявил статью:

– Грабеж.

Он остановился и посмотрел на Аятоллу, который кивнул ему в ответ.

– Утром 10 октября 1983 года, – начал читать обвинитель, – господин Джабер Носрат вошел в ювелирный магазин Казем на бульваре Руш. Он подошел к владельцу и ударил его ломом. Тот упал, но смог нажать кнопку экстренного вызова и предупредить полицию, а также владельцев соседних магазинов. Господин Джабер обобрал 18 лотков с бриллиантовыми ожерельями, но был арестован службой безопасности до того, как он успел скрыться на машине.

Во время этого доклада Джабер старался не смотреть на обвинителя. Но взгляд его жгуче-черных глаз, то и дело останавливавшийся на Аятолле, казался неожиданно сильным и властным для такого низенького, худого человека.

– Что ты можешь сказать в свою защиту? – спросил Аятолла, не поднимая глаз. Это был первый раз, когда он заговорил. Его слова эхом отозвались в зале суда.

– Я всегда был верен Революции, – ответил Джабер.

Когда он это произнес, я заметил застарелый шрам у него под подбородком. Из-за него на лице Джабера словно бы застыла вечная ухмылка.

– Тебя задерживали ранее? – спросил Аятолла.

– Нет.

– Да, его арестовывали несколько раз, – перебил прокурор. – В прошлом году его поймали на складе, он украл батареи. Выпущен из тюрьмы за примерное поведение через три месяца. Еще через пару месяцев, 15 июля, его опять задержали за продажу краденых автомагнитол. Приговор – шесть месяцев тюрьмы.

– Ты женат? – поинтересовался Аятолла.

– Да, господин, – ответил Джабер.

– А дети у тебя есть?

– Да, четверо.

– Чем ты зарабатываешь на жизнь, когда не ворует?

– Я плотник.

Аятолла опустил голову, задумался на несколько мгновений, бормоча что-то себе под нос. И почти сразу же выдал свой вердикт:

– Отрубить ему левую руку до запястья.

В темных углах зала заплясали тени. Головы закивали. Казалось, что Джабер не понимал, какое наказание ему назначили. Его взгляд прыгал с Аятоллы на обвинителя и обратно. Внезапно он осознал, что произошло, и пронзительно вскрикнул:

– О Господи, нет!

– Тишина! – приказал Аятолла.

– Ваше Святейшество! – взмолился Джабер, упав на колени. – Сжальтесь надо мной!

– Я уже сжалился, – тихо проговорил Аятолла. – Я мог приказать отрубить обе руки.

– Я не смогу работать с одной рукой! – запротестовал Джабер, глядя на судью так, словно бы он пытался испепелить того на месте.

– Ты найдешь способ. Ты не первый вор в этой стране, который останется без руки.

– Слепец счастливее одноглазого, – неожиданно серьезно ответил Джабер.

– Не спорь со мной, – сухо отрезал Аятолла. – Ты на моём суде, и я вижу твою вину.

Договориться со мной у тебя не получится.

– Ради Бога! – выкрикнул Джабер.

– Следующий!

Джабер продолжал рыдать и выкрикивать что-то нечленораздельное.

– Тишина! – рявкнул Аятолла, приказав гвардейцам увести заключенного из зала суда.

Трое из них схватили Джабера за плечи. Они попытались поднять его, но тот вцепился в стул. Когда же гвардейцам удалось вырвать стул из его рук, он упал на пол и распростёрся на нём, пытаясь удержаться руками и ногами. Было ясно, что дело закрыто, но Джабер еще надеялся на отсрочку. Аятолла был единственным человеком, который мог отменить вердикт об ампутации, и Джабер собирался плакать и умолять до тех пор, пока судья не изменит свое решение. Двое из гвардейцев начали пинать его в грудь. Третий схватил его за плечи и сильно тряхнул. Когда это не сработало, на помощь подошли еще пара человек, и они все вместе потащили Джабера к двери. Он дышал тяжело и шумно, как бык, а его глаза были наполнены слезами.

– Ваше Святейшество! – прокричал Джабер сквозь зубы – Подождите! Всего одно мгновение! Проклятое правосудие! Вы осудили меня, не удосужившись сперва даже выслушать. Я не родился вором, вы понимаете?

Гвардейцы продолжали тянуть его к выходу. Джабер стонал, плакал, выкрикивал ругательства и отбивался, размахивая руками во все стороны. Наконец несчастного удалось вывести из зала суда. Дверь закрылась, но в наступившей тишине всё ещё слышались его крики.

Аятолла выглядел озадаченным. Внутренней стороной рукава он вытер пот с губ и со лба. Как только в суде снова установился порядок, обвинитель продолжил:

– С разрешения Его Святейшества я вызываю на суд Рамина Сафу.

Рамин подошел к стойке и сел. Впервые я смог подробно его рассмотреть. Ему было не больше двадцати. Его лицо было мертвенно бледным, он выглядел совершенно истощенным, а его взгляд сновал туда-сюда с воробьиным проворством. Его голова была гладко выбрита и темна от загара, и на висках просвечивали синие вены. Он поднял глаза и окинул взглядом всех собравшихся в зале.

«Мошенничество», – озвучил обвинитель.

Он поднял очки на переносицу и начал читать.

– В течение двух недель сотни людей подали жалобы на молодого торговца птицами. На основании собранной информации нам удалось составить его портрет и распространить его среди патрульных. Через несколько недель мы обнаружили Рамина Сафу у южных ворот Национального Парка, где он продавал канареек. Он был арестован и приведен сюда. После быстрого осмотра стало ясно, что Рамин Сафа окрашивал воробьев куркумой и продавал их под видом канареек.

Голова Аятоллы опустилась на грудь, а его плечи затряслись. Сперва это была легкая дрожь, потом словно конвульсии охватили все его тело. Он откинул голову назад и разразился хохотом, больше похожим на извержение вулкана. Он хлопал в ладоши и смеялся, широко раскрыв рот и обнажив не только зубы, но и дёсны, будто гиена.

Аятолла приподнялся, достал платок и высморкался. Наконец он довольным голосом задал вопрос:

– А как потерпевшие узнали, что это были воробьи, а не канарейки?

– Воробьи очень чистоплотны, – ответил обвинитель. – Если они видят воду, они тут же начинают купаться.

– Сынок, как тебе в голову это пришло? – спросил Аятолла.

– Что «это»? – В голосе Рамина не слышалось никаких эмоций.

Казалось, что вся уверенность разом к нему вернулась. Он сидел на стуле, положив руки на колени, как человек в очереди к парикмахеру.

– Он все отрицает, Ваше Святейшество, – произнес обвинитель. – Он заявляет, что купил птиц у торговца из Индии.

– Ты можешь сказать, где живет этот торговец из Индии? – спросил Аятолла.

– Нет, – ответил Рамин. – Он путешествует из города в город. Я обычно встречаюсь с ним на площади Вилла. Там он и продал мне птиц.

– Он лжет, – проговорил обвинитель. – Это вымышленная история, такая же фальшивая, как и птицы. Нет никакого индийского торговца, нет и никогда не было.

– Чем зарабатывает на жизнь твой отец? – поинтересовался Аятолла.

– Я ничего о нем не знаю. Он умер, когда я был еще маленьким, – ответил Рамин. – Меня воспитала моя мать, она работала посудомойкой в ресторане, а когда мне исполнилось десять, она умерла от рака. После этого я шесть лет жил с моим дядей, пока...

– Пока его не арестовали, – перебил обвинитель.

Он вытащил из стопки лист бумаги и начал читать.

– Его звали Корос Сафа. Еврей по рождению, бандит, коммунист. На его совести множество преступлений против наших людей и Революции, включая взрывы заминированных автомобилей на улицах по соседству с Парламентом, в которых погибли шестеро служащих

Корпуса стражей. Три года назад его арестовали и над ним свершилось правосудие. Революционный Суд Его Святейшества Аятоллы Сехата нашел его вину достаточной и приговорил его к казни.

– Понятно, – произнес Аятолла с некоторой дрожью в голосе. Он откинулся назад, поправил тюрбан и подпер голову рукой. – Ты был осужден за какое-либо преступление раньше?

– Нет, – произнес Рамин.

Обвинитель кивнул в знак согласия.

– В таком случае ты отправишься в Центр Реабилитации Балбак на пятьдесят дней, чтобы научиться жить и работать, как подобает честному человеку. Храни тебя Аллах. Следующий. – Объявил Аятолла.

Двое гвардейцев защелкнули наручники на запястьях Рамина и вывели его из комнаты. Обвинитель взял еще один лист бумаги, просмотрел его и объявил:

– С разрешения Его Святейшества, я призываю на суд Бабера Шауля.

Мое сердце ушло в пятки, но я расправил плечи, поднялся и спокойно пошел вперед. Я спиной ощущал, как все в зале смотрят на меня. Я опустил на стул и постарался не смотреть на Аятоллу. Я сидел в очень неудобной позе, балансируя на самом краю стула и не понимая, куда деть руки и ноги. Это выглядело очень неестественно. Я привстал, чтобы передвинуться подальше, но неожиданно сел чересчур глубоко и сперва подумал, что падаю назад вместе со стулом. Тогда я кое-как подвинулся обратно и вцепился в ручки, чтобы удержаться. Я окинул взглядом помещение и остановился на Аятолле. Он облокотился на ручку кресла, теребя свою бороду толстыми пальцами.

«Предложение секса», – объявил тип преступления обвинитель. Аятолла приподнялся, наклонился вперед и уставился на меня, как врач, рассматривающий опасный вирус.

Для Аятоллы нет ничего более загадочного, чем секс. Это то, с чем, и в то же время без чего он не может жить, не может ни принять его, ни отвергнуть. В течение шестилетнего обучения в Исламской школе Фейзиех ему не разрешается видеться с женщинами, как заключенному. Он занят исключительно изучением теологии Ислама и узнаёт, что нет ничего более разрушительного, чем сексуальное желание. Он учится ненавидеть всех биологов и психоаналитиков, которые утверждают, что секс – это естественно. И в то же время секс остается великой тайной его жизни. Он живет с ним, истязаемый и потерянный. После окончания обучения он берет себе жену. В течение последующих двадцати-тридцати лет он женится еще на пяти или шести женщинах, и некоторые из них вполнину младше его. Нет никаких ограничений. Он – воплощение закона. Но, несмотря на то, что у него есть несколько женщин, он не имеет права любить их. Никто из смертных не достоин его любви, – она вся должна достаться Аллаху. Женщинам доступно его тело, но не сердце.

Все пятнадцать Великих Аятолл Исламской Республики Иран создавали свои теории о том, как справляться с сексуальным влечением. Аятолла Хомейни, наш верховный лидер, пишет в своей книге «Политические, философские, социальные и религиозные принципы», что лучший способ избавиться от желания – это секс с животными. Он объясняет, что это приемлемый снять напряжение до брака. Однако, есть проблема: секс с курицей. Он пишет, что если мужчина имеет курицу, то ему нельзя готовить и есть её после этого. Также запрещается готовить и есть его семье и его соседям. Однако сосед, который живет через дверь, может ее съесть.

– Ваше Святейшество, могу я продолжить? – тихо спросил обвинитель.

Аятолла поерзал на стуле, и кивнул в знак согласия.

– В последние четыре месяца, – начал читать обвинитель, – Мы получили из различных источников информацию, что ресторан Морварид в северной части города – это место встречи преступников, наркоторговцев и проституток. Месяц назад Революционная полиция

начала надзор за этим местом и арестовала более сотни преступников. Вечером находящиеся при исполнении сотрудники увидели в ресторане Бабера Шауля. Он сидел там, пил пиво и разглядывал женщин. Революционная полиция направила агента под прикрытием, чтобы получить больше информации о подозреваемом. Когда стало понятно, что Бабер Шауль явился в ресторан за проституткой, подсудимый был задержан и доставлен сюда.

– Ну, что ты скажешь теперь? Как ты объяснишь, что ты оскорбил нашу веру? – спросил Аятолла.

Я чувствовал себя совершенно бессильным, безвольным. Моя голова раскалывалась от боли. Я хотел что-то сказать, но язык не слушался и больше походил на кляп.

– Ты лишь усугубишь свое наказание, если не будешь отвечать на вопросы суда, – сказал Аятолла и после небольшой паузы бросил: – Скажи что-нибудь!

Мои губы двигались совершенно механически. Не было никакой нужды в защите, наказание уже было определено. Наверное, меня заставляли говорить, только чтобы удостоверить, что я не немой.

– Я... Я...

Я потерял дар речи. Горло сжалось, как будто я кричал. Я нервничал, и это, казалось, только усиливало мою вину. С огромными усилиями я все-таки произнес несколько слов:

– Я раскаиваюсь в своем намерении. Но Ваше Святейшество, я же не совершил никакого преступления! Меня накажут за то, чего я не делал?

– Ты виновен и мыслью, и делом, – быстро проговорил Аятолла, – Намерения и действия – по сути одно и то же. Все преступления рождаются в уме, сперва как помыслы. Если мы окормляем их, они перерастают в намерения. Последняя стадия приходит сама собой. Аллах видит все. Ты собирался снять проститутку, и за это ты должен понести наказание. Я посылаю тебя в Балбак на шестьдесят дней, и там ты получишь возможность научиться жить, думать и вести себя так, как будет полезно для нашего общества.

Два гвардейца заковали меня в наручники и вернули в камеру. Рамин стоял за своей решеткой, очевидно, дожидаясь меня, чтобы поговорить. Но мне хотелось побыть в тишине. Я не желал слышать свой собственный голос. Не в силах принять свою судьбу, убитый горем, я опустил на пропахший мочой матрац. Я завернулся в одеяло, уткнулся в стену и заснул.

3

Я сидел в темном углу камеры и полузакрытыми глазами следил за бледными лучами октябрьского солнца, ползущими по серым стенам. Вскоре тонкая полоска света проникла в камеру и заструилась по полу. Она все расширялась, и тени от предметов сливались в полукруги. Свет падал на металлическую раму кровати, клочки журнала и пустую сигаретную пачку на полу. В скважине повернулся ключ, дверь отворилась, послышались шаги. Гвардеец заглянул ко мне в камеру, передал чашку чая и бутерброд с сыром. Он посмотрел на противоположную камеру и бросил:

– Просыпайся. Пора.

Рамин не шевелился. Он завернулся в одеяло по самые уши.

– Я сказал, просыпайся, мразь! – закричал гвардеец и пнул дверь. – Хорошо устроился, что ли?

Рамин поднялся и осмотрелся. Он зевнул, потер лицо ладонями и медленно выполз из своей постели. Гвардеец отдал ему завтрак. Перед уходом он рявкнул, чтоб мы готовились идти.

Мы с Рамином смотрели через заднюю дверцу тюремного фургона на переполненные дороги, куда нас увозили прочь. Ездить по улицам Тегерана никогда не было скучно. Город походил на огромную выставку с лабиринтом галерей. Все улицы были покрыты гротескными, яркими картинами, портретами, цитатами и слоганами. На фасаде банка Мелли был изображен Дядя Сэм с его знакомой дьявольской ухмылкой, кровь капала с его длинных ногтей, в руках он держал сумку, наполненную детскими черепами. Под картиной было написано:

«Смерть Америке, Великому Сатане. Смерть Израилю, Малому Сатане».

На другой картине был нарисован *басидж*, доброволец-смертник. На нем был пояс со взрывчаткой, его большой палец лежал на кнопке, он бежал в здание с американским флагом, висящим над входом. Текст под картиной гласил:

«Наша цель – умереть во имя Аллаха. Если мы убиваем или умираем, мы попадаем в рай как мученики. Наши враги попадают в ад».

С высокого здания Министерства образования бесстрастно и решительно смотрел Аятолла Хомейни. Под портретом было напечатано одно из его известных изречений:

«Израиль – раковая опухоль, которая должна быть стерта с лица земли. Все американцы должны быть убиты, а их страна – уничтожена. Такова воля Аллаха».

Это не были произведения настоящих художников, которые хотели выразить свои мысли и чувства. Их создало Министерство исламской ориентации, машина пропаганды режима. Они отдали приказ, они профинансировали создание таких рисунков, их целью было продвижение ценностей Джихада, сопротивление влиянию западной культуры в нашем обществе. У картин не было ничего общего с историей Персии, с традициями, они были вратами в идеальный мир с точки зрения исламских фундаменталистов, канал передачи тайных мыслей Аятолл, интерпретация их понимания жизни, предназначения человека, рая, вечности, вызов всему западному миру.

Нас везли уже больше часа, но мы все еще не выехали из Тегерана. Возле площади Фиделя Кастро мы свернули на узкую улицу, проехали два блокпоста и остановились перед серым зданием. Гвардейцы отворили заднюю дверь фургона и впихнули внутрь молодого человека. Дверь закрылась, и машина продолжила движение.

Новенький оказался высоким молодым парнем лет двадцати. Усталые серые глаза, покрасневшие веки – он не спал очень долго. У него были смуглые, лоснящиеся щеки, пол-

ные губы, крючковатый нос, он был настолько худым, что переносица отсвечивала белым цветом.

Через два часа мы наконец покинули город. Фургон выехал на трассу и направился на запад. Никто не говорил ни слова. Нас захватили наши собственные мысли и страхи. Я не имел ни малейшего представления о том, куда нас везли, весь знакомый мне мир ускользал, исчезал в тумане. По пути Рамин все время зевал, а другой парень бесцельно смотрел в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.